

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале произведения М. Булгакова «Белая гвардия»)

И.А. Герасименко

Кафедра русской, украинской филологии и методик преподавания
Крымская гуманитарно-педагогическая академия
ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
ул. Севастопольская, 2, Ялта, Крым, 98601

Данная статья посвящена рассмотрению средств вербализации цветовой картины мира М. Булгакова. Цель работы — описать состав и семантику лексических единиц с семой цвета, используемых М. Булгаковым в произведении «Белая гвардия».

Ключевые слова: цветообозначение, художественная картина мира, идиостиль, М.А. Булгаков.

Художественная картина мира, опосредованная языком и индивидуально-авторским концептуальным видением действительности, объективируется с помощью разных языковых средств, среди которых ведущее место занимают цветообозначения (ЦО) — имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами «цвет / цвета». Однако ЦО не являются единственными вербальными знаками, отображающими «цветовое» видение носителя русского языка и русской культуры. Цвет актуализируется в языке разными средствами, которые к ЦО традиционно не относятся. Изучению цветовой семантики таких единиц посвящено достаточно большое количество работ, среди которых исследования В.Г. Кульпиной, В.К. Харченко, С.П. Муляр, И.М. Бабий, О.И. Кулько и др. Однако, несмотря на наличие исследований в области вербализации цветовой картины мира, их объективация в идиостиле М. Булгакова недостаточно изучена. Цель статьи — описать лексические средства экспликации цветовой картины мира М. Булгакова на материале эксцерпций из произведения «Белая гвардия».

Цветообозначения считаются достаточно компактной и легко выделяемой группой лексических единиц, насчитывающих около 1300 общеупотребительных, диалектных и архаичных слов (см. работы В.Е. Моисеенко). Цветовая картина мира М. Булгакова вербализована как с помощью лексикографически отмеченных ЦО, так и тех, которые традиционно в состав ЦО не включены. Среди общеупотребительных исконно русских и заимствованных слов с основной цветовой номинацией М. Булгаков использует высокочастотные для русского языка лексемы *белый, черный, красный, синий, зеленый, серый, седой, сивый, сизый, голубой, желтый, румяный, рыжий* и др., например:

Там белые занавески на окне застекленной двери...; Чьи-то глаза, черные, черные...; Глаза у Мышлаевского, как у кролика, — красные; Знамена синего дыма; В зеленой тени он чистый Тарас Бульба; ...она стояла в задумчивости и смотрела куда-то вдаль, через узорные занавеси, в серое, облачное небо; Не обладая искусством седого и доброго старика, можно было знать, что умирает доктор Алексей Турбин; И те как раз и приезжали по этому стекловидному мосту отсюда, где загадочные сизые дымки; ...за Попелюхой развернулся в голове конной колонны двуцветный прапор — плат голубой, плат желтый; Румяный гигант ничего не сказал, только застенчиво посмотрел на Василису...; Рыжая кобыла, кося кровавым глазом, жуя мундштук, роняя пену, поднималась на дыбы...

Цветообозначение «белый» — это не только лексема с собственно «цветовой» семантикой. Это слово, выступающее компонентом имени текста и наделенное смыслом историко-культурного порядка. Будучи связанной со значением «контрреволюционный», лексема «белый» апеллирует к известным фактам, отсылает к культуре как целостному тексту, соотносит именуемый текст с реалиями исторического плана.

Цветообозначения с основной цветовой номинацией автор задействует и для передачи разных межчувственных ощущений. Речь идет о ЦО в составе сочетаний *синий воздух, черный голосок, черный аккорд* и т.п., с помощью которых явление одной модальности одновременно воспринимается и оценивается в категориях другой сенсорной системы. Ср. примеры вербализации синестезии как «психологического явления возникновения одного ощущения под влиянием неспецифического для него раздражителя» [13. С. 647]:

Соткалась от морозного тумана в игольчатом синем и сумеречном воздухе...; — Так им и треба... — вдруг свистнул в толпе за спиной Турбина черный голосок...

Общеизвестно, что сущностное свойство синестезии «определяется межчувственными ассоциациями, соединяющими в себе появление цветových ассоциаций на сигналы, поступающие от всех органов чувств» [5. С. 11]. Подобное переживание цветового образа в ответ на обонятельное чувственное восприятие, как видим, последовательно реализовано в идиостиле М. Булгакова.

Ср.: Даже Гальберту... запомнились в этот миг и черные аккорды, и истрепанные страницы вечного Фауста.

Можно полагать, что в этих и подобных примерах в образ синего воздуха, черных аккордов и т.п. вложено не столько цветовой свойство конкретного вещества или звука, сколько представления межчувственного ассоциативного порядка.

Считается, что появление различных имен цвета связано с тем, какую «стратегию запоминания» использует язык — «чисто языковую, опирающуюся на языковое кодирование оттенков цвета, или предметно-языковую, когда оттенки запоминаются путем соотнесения с цветом конкретного предмета» [9. С. 29]. Задействованная в идиостиле М. Булгакова производная семантика слов «золотой», «защитный», «кремовый», «шафрановый», «угольный» и под. отображает второй случай и базируется на цветовых свойствах прототипических объектов.

Ср.: Золотая Елена в полумраке спальни, перед овальной рамой...; Свет, ослепительный до того, что отливал в розовое...; Кремовые шторы наглухо закрыли застекленную веранду; Смутно мелькали желтые полушубки, серые шинели и папахи, фуражки военные и защитные, и синие, студенческие; Шея его полезла багровыми складками...; Без всякой даты, на нежном небесном листке было написано...; Перед Турбинным стоял довольно плотный студент, актер-любитель с припухшими малиновыми губами; Так — общий тон шафрановый, у скульптур розовато, а глаза из голубых превратились в черные.

Как показывает материал исследования, в мире художественной прозы М. Булгакова цветовым значением наделены изображения разных предметов, лиц, действий, состояний, а также элементов внешности человека и реалий окружающей действительности. «Цветовые» образы автор актуализирует с помощью широкого списка лексем, в числе которых и адъективы с вторичной цветовой номинацией типа *золотой, розовый, кремовый, защитный, багровый, небесный, малиновый, шафрановый, угольный, вишневый* и др.

В «Белой гвардии» М. Булгакова объективация цвета реализуется также благодаря описательным конструкциям с компонентом цвет.

Ср.: На лице, у углов рта, по-видимому, навсегда присохли две складки, цвет кожи восковой, глаза запали в тених и навсегда стали неулыбчивыми и мрачными; На лице и на шее у нее играл багровый цвет, а пустые глаза были окрашены в черную ненависть; Закачались пики, и тряслись черные штыки гробового цвета.

Сочетания типа «восковой цвет», «багровый цвет», «гробовой цвет», хотя и используются автором, однако к частотным и продуктивным не принадлежат. Нетипичными для идиостиля М. Булгакова являются и гиппологические наименования: список таких слов представлен только лексемой «гнедой»:

В рядах над строем курилась махорка, и нервно ходил под Козырем гнедой пятивершковый жеребец.

Напротив, сложные слова играют немаловажную роль в экспликации цветовой картины мира М. Булгакова. Автор использует лексем, состоящие из двух цветооснов (зелено-черный, серо-голубой, зелено-желтый и др.); цветоосновы и выражающей тон и насыщенность цвета основы (темно-красный, ядовито-зеленый, иссиня-бледноватый и др.); цветоосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (хрящевато-белый и др.); цветоосновы и выражающей элементы внешности, части тела и предметы основы (белоголовый, рыжебородый, черношлычный и др.), например:

Но тут освещает немного, падает, задев зелено-черный постамент, бледный электрический свет...; Наклонившись над балюстрадой, он не отрывал глаз от белоголовой

фигурки, пока она не исчезла внизу; Появились хрящевато-белые, с серенькой бритой щетинкой на лицах...; Из офицерской группы выделялся штабс-капитан Студзинский, как-то иссиня-бледноватый, косящий глазами...

И хотя в целом композиты являются «редкоупотребляемыми словами» [7. С. 123], они, как справедливо отметил А.П. Василевич, увеличивают «возможности выражения цвета в десятки раз» [4. С. 110].

Известно, что ЦО представляют собой отдельную лексико-семантическую группу, содержащую «указание на цвет в собственном смысле» [14. С. 21]. Однако не только эти простые и сложные по структуре слова с основной и производной цветовой номинацией, описательные конструкции с компонентом «цвет» эксплицируют цветовую картину мира М. Булгакова. Данные ЦО составляют лишь часть того массива лексических средств русского языка, который использует в «Белой гвардии» М. Булгаков для объективации цвета. Особую группу составляют лексемы, обозначающие тон, яркость, степень насыщенности цвета, интенсивность окраски, наличие или отсутствие цвета (темный, светлый, ясный, матовый, бледный, мутный и др.).

Ср.: В самом темном переулке вдруг рождается голубой конус; За наливным золотистым августом пришел светлый и пыльный сентябрь; ...а родинки на правой щеке, матовой, смутно сверкнули в сонной тьме; Спит Турбин, бледный, с намокшей в тепле прядью волос...; Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы...

Слова этой группы не принято относить к ЦО, так как считается, что они «не передают значения цвета» [6. С. 104] и, соответственно, входят в другие ЛСГ. Однако очевидным является то, что такие лексемы имеют неконкретное спектральное значение. Более того, в определенных контекстах они наделяются угадываемой семой цвета. Так, прилагательные «темный», «светлый», «ясный» и под. в составе литературно-художественных сочетаний М. Булгакова осмысливаются как средства представления семантики, близкой к темным и светлым цветам.

Ср.: Игольчатый мороз, косматые лапы, безлунный, темный, а потом предрасветный снег...; Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага...; Известно, что платки на них ясные, за версту видно.

Фактически, передавая словом «темный» значение ‘погруженный во мрак, окутанный мраком; темный’, лексемой «светлый» — ‘не темного цвета’, адъективом ясный — ‘светлый’, эти и подобные слова могут быть контекстуально семантически близки с определенными ЦО. Именно поэтому в последнее время наметилась тенденция включать прилагательные, «обозначающие дополнительные характеристики цвета» [8. С. 224], в состав ЦО (В.Г. Кульпина, В.К. Харченко, Х.Г. Ахичба, С.П. Муляр, И.М. Бабий, О.И. Кулько и др.), относить их «к компонентам периферии» колористического поля цвета [11. С. 11]. В этом случае авторы руководствуются наличием контекстуальной близости таких единиц «с собственно ЦО или словами, в структуре лексического значения которых есть сема цвета» [8. С. 224]. «Было бы насилием над материалом и сознанием... проводить

демаркационные линии между цветовым корпусом картотеки и ее „световой“ частью», — пишет относительно комплексного изучения цветооттеночной лексики В.К. Харченко [15. С. 4].

В состав ЦО также традиционно не включаются слова, обозначающие смешанные цвета (цветной, разноцветный, пестрый и др.). Однако вполне очевидно, что спектральный компонент, даже неконкретизированный, присутствует в структуре значения таких лексем.

Ср.: на фигурке была широкая двубортная куртка с серебряными пуговицами и цветными зелеными петлицами; ...а там, у Караваевских дач, уже свищет соловьем разноцветная шлычная конница; В лавочке бухнула штора и сразу скрыла пестрые коробки с надписью «мыльный порошок».

Мы склонны считать, что в названиях, передающих смешанные цвета, содержится информация об их «цветовой неоднородности» (на том, что это ЦО, настаивает С.В. Кезина, Х.Г. Ахичба, И.М. Бабий, О.И. Кулько и др. [6. С. 112; 1. С. 17; 2. С. 5; 8. С. 224]). Так, слово «цветной» закреплено за значением ‘неодноцветный’, пестрый — ‘покрытый разноцветными пятнами’, разноцветный — ‘с окраской разных цветов’. Несмотря на зафиксированную в семантике данных лексем «общую окрашенность реалий» [2. С. 5], функционирующие в идиостиле М. Булгакова адективы данной группы принадлежат к средствам экспликации цвета и являются ЦО с неконкретным спектральным значением.

В «Белой гвардии» автор прибегает к использованию не только адективных ЦО, но и слов, принадлежащих к другим частям речи — именам существительным (белизна, синева, желтизна), наречиям (зелено, красно, черно, сине), глаголам (буреть, белеть, краснеть, синеть, чернеть), например:

На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз...; Часовой Щур пропустил его в сарай, где тускло и красно горела мерзкая лампочка; И в синеве на площадке оставались двое...; В апреле восемнадцатого, на пасхе, в цирке весело гудели матовые электрические шары и было черно до купола народом; В окнах было совершенно сине; На черной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации, на которой полчаса сидела, страдая на морозе, но жадно наблюдая через предательскую щель над верхним краем простыни работу инженера, навлекшего беду именно простыней на зелено окрашенном окне; Шея и его щеки побурели и глаза загорелись; Николка покраснел и побелел; ...полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом...; От бульвара, по Владимирской улице чернела и ползла толпа.

Безусловно, данные лексеммы к собственно ЦО не относятся. Однако сема цвета в их семантике присутствует. Не случайно В.К. Харченко, описывая многообразие «задействованных в русском языке и накопленных русской национальной культурой ЦО», указывает на то, что в вербализации цвета задействованы и другие части речи — существительные (белизна), глаголы (белеть), наречия (бело) [15. С. 2]. Считаем, что принятие такого подхода не связано с нивелировкой грамматических свойств ЦО, однако иллюстрирует многообразие лексических средств, задействованных в актуализации цветовой картины мира.

Итак, цветовая картина мира М. Булгакова объективируется разными средствами языка. К ним относятся не только общеупотребительные ЦО с основной и производной цветовой номинацией, но и описательные конструкции с компонентом «цвет», сложные слова, лексемы, обозначающие неконкретные и смешанные цвета. Немаловажную роль в экспликации цветовой картины мира М. Булгакова играют лексико-грамматические группы существительных, наречий, глаголов, использование которых иллюстрирует особенности авторского цветового восприятия. Безусловно, полный анализ феномена цветового пространства, выраженного цветовой картиной мира М. Булгакова, возможен в случае привлечения других, кроме романа «Белая гвардия», источников, что и будет сделано в наших дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахичба Х.Г.* Цветовая метафора в абхазском, немецком и английском языках (сопоставительный анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 19 с. [*Axichba X.G.* *Cvetovaya metafora v abxazskom, nemecskom i anglijskom yazykax (sopostavitelnyj analiz): Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* — М., 1997. — 19 s.]
- [2] *Бабію І.* Семантична характеристика назв кольорів у сучасній українській мові // Рідна мова. — № 5. — С. 4—6. — URL: <http://ridnamova/prv.pl>. [*Babij I.* *Semantichna charakteristika nazv koloriv u suchasnij ukraïnskij movi // Ridna mova.* — № 5. — S. 4—6. — URL: <http://ridnamova/prv.pl>]
- [3] *Булгаков М.* Белая гвардия. — М.: АСТ, 2012. — 352 с. [*Bulgakov M.* *Belaya gvardiya.* — М.: АСТ, 2012. — 352 s.]
- [4] *Василевич А.П.* Цвет и названия цвета в русском языке. — М.: КомКнига, 2005. — 216 с. [*Vasilevich A.P.* *Cvet i nazvaniya cveta v russkom yazyke.* — М.: КомКнига, 2005. — 216 s.]
- [5] *Выродова А.С.* Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале поэтических текстов С.А. Есенина и Н.М. Рубцова): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2008. — 22 с. [*Vyrodova A.S.* *Lingvokulturologicheskoe prostranstvo kolorativov v russkom poeticheskom diskurse pervoj poloviny XX veka (na materiale poeticheskix tekstov S.A. Esenina i N.M. Rubcova): Avtoref. ... kand. filol. nauk.* — Belgorod, 2008. — 22 s.]
- [6] *Кезина С.В.* Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). — Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. — 304 с. [*Kezina S.V.* *Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v russkom yazyke (diachronicheskij aspekt).* — Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo, 2008. — 304 s.]
- [7] *Краснянский В.В.* Сложные цветообозначения русской речи // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В.А. Белошапковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 119—130. [*Krasnyanskij V.V.* *Slozhnye cvetooboznacheniya russkoj rechi // Tradicionnoe i novoe v russkoj grammatike: Sb. st. pamyati V.A. Beloshapkovoj.* — М.: Indrik, 2001. — S. 119—130.]
- [8] *Кулько О.И.* Колоративы и обозначения цвета в рекламе // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Труды и материалы междунауч. конф., 4—6 окт. 2004 г., Казань / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 224—225. [*Kulko O.I.* *Kolorativy i oboznacheniya cveta v reklame // Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy: Trudy i materialy mezhdun. nauchn. konf., 4—6 okt. 2004 g., Kazan / Pod obshh. red. K.R. Galiullina.* — Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2004. — S. 224—225.]
- [9] *Лю Юй Ин.* Цветообозначение и символика цвета в китайском языке // Актуальні проблеми металінгвістики: Зб. ст. за матеріалами III-ї міжнар. наук. конф. / Черкаськ. держ. ун-т імені Б. Хмельницького. — У 2-х ч. — Ч. 1. — Черкаси: Брама, 2003. — С. 29—33.

- [*Луи Юй Ин*. Cvetooboznachenie i simbolika cveta v kitajskom yazyke // Aktualni problemi metalingvistiki: Zb. st. za materialami III-ï mizhnar. nauk. konf. / Cherkask. derzh. un-t imeni V. Xmelnickogo. — U 2-x ch. — Ch. 1. — Cherkasi: Brama, 2003. — S. 29—33.]
- [10] *Моисеенко В.Е.* Названия цветов и их оттенков в русском языке // К. Gadányi, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko. Слово и цвет в славянских языках. — Melbourne: AcademiaPress, 2000. — С. 187—236. [*Moiseenko V.E.* Nazvaniya cvetov i ix ottenkov v russkom yazyke // К. Gadányi, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko. Slovo i cvet v slavyanskix yazykax. — Melbourne: AcademiaPress, 2000. — С. 187—236.]
- [11] *Муляр С.П.* Колористична семантика в структурі російського художнього тексту (мова поезії 70—80-х рр. XX ст.): Автореф. дисс. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. — К., 2003. — 18 с. [*Mulyar S.P.* Koloristichna semantika v strukturi rosijskogo xudozhnogo tekstu (mova poezii 70—80-x rr. XX st.): Avtoref. dis. na zdobuttya nauk. stupenya kand. filol. nauk. — K., 2003. — 18 s.]
- [12] Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. — М.: КомКнига, 2007. — 320 с. [Naimenovaniya cveta v indoevropijskix yazykax: sistemnyj i istoricheskij analiz / Otv. red. A.P. Vasilevich. — М.: КомКнига, 2007. — 320 s.]
- [13] *Селиванова О.О.* Лінгвістична енциклопедія. — Полтава: Довкілля-К, 2010. — 844 с. [*Selivanova O.O.* Lingvistichna enciklopediya. — Poltava: Dovkillya-K, 2010. — 844 s.]
- [14] *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. — М.: Наука, 1984. — 175 с. [*Frumkina R.M.* Cvet, smysl, sxodstvo. Aspekty psixolingvisticheskogo analiza. — М.: Nauka, 1984. — 175 s.]
- [15] *Харченко В.К.* Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: свыше 4000 слов в 8000 контекстах. — М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2009. — 532 с. [*Хarchenko V.K.* Slovar cveta: realnoe, potencialnoe, avtorskoe: svyshe 4000 slov v 8000 kontekstax. — М.: Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A.M. Gorkogo, 2009. — 532 s.]
- [16] *Шаклеин В.М.* Культурологическая составляющая образования: к постановке проблемы. Филология. Русский язык. Образование: Сб. ст., посвященный юбилею проф. Л.А. Вербицкой. — СПб., 2006. — С. 354—359. [*Shaklein V.M.* Kulturologicheskaya sostavlyayushhaya obrazovaniya: k postanovke problemy. Filologiya. Russkij yazyk. Obrazovanie: Sb. st., posvyashhenyj yubileyu prof. L.A. Verbickoj. — SPb., 2006. — S. 354—359.]

COLOUR WORLDVIEW VERBALIZATION IN M. BULGAKOV'S "THE WHITE GUARD"

I.A. Gerasimenko

Russian, Ukrainian Philology and Teaching Methods Department
The Crimean Humanitarian-Pedagogical Academy
"Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky"
Sevastopolskaya str., 2, The Crimea, Yalta, 98601

The article deals with the linguistic means of M. Bulgakov's colour worldview explication. The aim of the work is to describe the number and semantics of lexical units with colour seme used by M. Bulgakov in his "The White Guard", to show the peculiarities of the author's colour view.

Key words: colour words, artistic worldview, idiosyle, M.A. Bulgakov.